

ПОСЛУШАЙТЕ, какое гулкое, сухое слово — «латынь». От него как будто бежит смех. В этом виноваты, конечно, книжки «о старом времени», когда царь сидел на престоле, а в гимназиях отучившиеся и внимательные мальчишки учили латынь. И учил их — согласно книжкам — обязательно очень строгий, сухой, в глубине души добрый, а вообще скучноватый человек.

Вот такой — а может, чуть-чуть не такой — латинист появился в один прекрасный день в бакинском гимназии. Он в меру строг, любит порядок и постепенность в работе. Только явная, нескрываемая молодость, да слишком уж острый, с хитрецей, такой «неакадемический» взгляд нарушают это благообразие. Однако в гимназии он вовсе старается прослыть этим самым «классическим латинистом», которому и молодость, и острый взгляд — ни к чему. В гимназии он всеми уважаемый преподаватель латыни и истории Александр Максимович Жоржоллиани. Молодость и веселый пронизательный взгляд нужны не ему, а непоседе и насмешнику Каркашадзе, постоянно участнику любительских спектаклей, устраиваемых так называемой «грузинской колонией» в Баку.

Каркашадзе — носитель особого, смешного градуса в каждом спектакле. В смешном он изобретателен, как Робинзон Крузо на своем необитаемом острове. Он убийственно копирует

знакомых, но при самом точном воспроизведении самого смешного на сцене возникает не знакомый и не Каркашадзе, а некто третий, такой же живой и только еще более смешной. Гимназисты поспыались бы из-за своих парт: степенный, серьезный, суховатый латинист и историк Александр Максимович Жоржоллиани — одно лицо с уморительным комиком Каркашадзе.

Утечет еще много воды. Котэ Марджанишвили, глядя на работу комика-любителя Каркашадзе, воскликнет:

— Да это настоящий профессиональный актер!

Сандро Жоржоллиани выступит на сцене, наконец, под своей фамилией, не опасаясь скомпрометировать имя преподавателя гимназии. И уже отпадет необходимость усилием воли тушить взгляд и соразмерять темперамент с унылым течением гимназической жизни — он окончательно уйдет в театр. И уже зрители, порой слишком активно, станут узнавать в нем на улицах Тбилиси любимых героев кино... В общем, утечет немало воды, и тогда Сандро Жоржоллиани, популярнейший актер, получит письмо от бывших своих гимназистов: «...никак не можем поверить. Неужели это вы?».

Договариваясь о встрече: — В 2 часа буду в Театральном обществе. Надо быть — дата... А как вы меня узнаете? Там ведь много народу соберется...

Так и не привык к популярности. А ведь несколько дней назад отмечали 60-летие творческой деятельности, 60 лет зрительской любви.

Ровно в два поднимается по лестнице, прохаживаясь по каждой ступеньке пламя длинного, давнего серого макинтоша, какие остались у немногих.

СМЕХ «ПО- ЖОРЖОЛИАНИ»

Теперь совершенно ясно — Илико (знаменитый — Илико из спектакля и фильма «Я, бабушка, Илико и Илларион») оставил ему от себя здоровой, доброй хитроватости, крепкого, как молодой перец, юмора. Так же, как каждый, самый значительный герой — свой след, свою черту — характера, привычки, манеры, даже внешности.

Пусть отлично известно, что это обратный процесс — актер дает жизнь героям, а никак не наоборот. Пусть это так, но вот Александр Максимович Жоржоллиани сидит передо мной, и я вижу, как проступают в этом лице, в грустных голубых

глазах его герои — бесплабные и неудачливые, юмористы и философы, смешные, но не осмеянные... Рядом в зале шумит, расшаркиваясь, театральная общественность.

Почему это считается, что комик — душа любой компании? Почему мы так нещадно эксплуатируем труд

работников «смешного цеха»?

— Жаль разочаровывать людей, когда они уже заготовили улыбки. Что поделаешь, приходится. И даже часто...

За стеной начинаются торжественные доклады, а Александр Максимович вспоминает работу, спектакли, которыми на всю жизнь, раз и навсегда занозило сердце и ум.

Речь его неспешна, строина, несет какой-то неповторимый аромат старины. Сейчас комик, для которого критики никогда не жалели самых броских эпитетов, похож скорее на того преподавателя латыни,

от кого гимназисты никак не ждали столь радикальной метаморфозы.

Да и кто мог ждать от мальчишки — неистового выдумщика и озорника, кому на глаза не попадается — изобразит в точности, да так, что надорвешься со смеху, — кто мог ожидать, что в скором времени его увлекут классическая ясность латыни и запутанные ходы истории?

Кто мог предположить, что вкус к фарсу, представлению, сцене, театральный азарт, приводивший не раз к натуральным пожарам в семейных любительских спектаклях, скроется (и на срок достаточно длительный) под бесстрастно — благообразно и личной гимназического латиниста? И кто из имевших дело с Александром Жоржоллиани — преподавателем гимназии — представил бы его на сцене, да еще — страшно подумать — в комедийной роли, в «подлом» фарсе? «Ходы» истории петляют вокруг одной прямой.

«Казусь» одной жизни, такой, как у Александра Максимовича Жоржоллиани, — тоже. Эта прямая — театр. Жоржоллиани рожден в театре для комедии. Ей верен всю жизнь. А латынь, история, наука? И они объясняются в этой жизни театром, и только им.

Котэ Марджанишвили — эпоха в грузинском, и не только в грузинском, театре. Эпоха в театральной биографии, в жизни Сандро Жоржоллиани. Здесь нет нужды в комментариях. Режиссерский талант Марджа-

нишвили обладал чудесным свойством заражать и заряжать всех, не только актеров. Но и здесь Сандро Жоржоллиани способен озадачить. Неутомимый импровизатор, превыше всего ставящий свободу воли актера, в первую очередь вспоминает с благодарностью «железные тиски» дисциплины, введенной в театре Котэ Марджанишвили. Дисциплины как основы подлинной свободы творчества.

— Никогда не признавал работы «под суфлера» — Константин Александрович отменил суфлерскую будку в спектаклях. — Никогда не понимал и не оправдывал пресловутой театральной «богеми». Марджанишвили наложил вето на все, что прямо и косвенно уводит от искусства.

Почему так запомнились актеру именно эти «тиски»? Так благодарно запомнились? Не сказался ли здесь человек, с юности покоренный строгой раскованностью латинских созвучий, четкостью научных формулировок?

Пусть не озадачат читателя эти слишком серьезные строки. Жоржоллиани — на сцене ли, на экране — неизменно приводит зал в прекрасное расположение духа. А это искусство не дается легко...

Было время — от комедии требовали всего, кроме просто смешного, забывая о том, что комедия комедии рознь. Честь и хвала высокой комедии, комедии больших тем, сатирической комедии ранга гоголевского «Ревизора». Но никто нико-

гда еще не сумел создать оперетки на тему, достойную высокой комедии. Помишени — и орудие. А орудия всякие нужны. Блестящая буффонада, веселый фарс любимы в народе не менее комедии больших тем.

Сандро Жоржоллиани никогда не боялся смеяться только потому, что в жизни много смешного и забавного. И смех его никогда не бывает мелким, обывательским. У него надежный стержень — доброта и светлый взгляд на мир. Уже появление Жоржоллиани на сцене или экране рождает улыбку. Уже появление его — сигнал о том, что персонаж явно и недвусмысленно смешной. Правила игры между Сандро Жоржоллиани и зрителем уяснены давно и окончательно. Не понимает их только человек, у которого природный иммунитет против смеха.

Перечислить даже самые яркие из спектаклей и фильмов с участием Александра Жоржоллиани — дело такое же безнадежное, как вычислить — сколько приходится на душу населения «смеха по Жоржоллиани». Не думайте, что это такое уж узкое понятие — «смех по Жоржоллиани». Так незлобиво смеются в Грузии мастера этого рода «оружия» — крестьяне. Этот юмор от века живет в народе, юмор серьезных, добрых, трудолюбивых людей. И потому смех Жоржоллиани испытывает не только наше чувство юмора, но и серьезность, и доброту, и человечность.
Т. ЧАНТУРИЯ.

30 МАР 1961
ИЗДАНИЕ ТРУДНИ
Г. ТБИЛИСИ